

АДМОНИ В. Г.

ГРАММАТИКА И ТЕКСТ

За последние десятилетия широко распространилось изучение текста с лингвистической, и в частности, с грамматической точки зрения [1—7]. Возникли термины «лингвистика текста» и «грамматика текста». Правда, часто встречаются оговорки, что невозможно свести текст к грамматической единице [4, с. 14]. Но иногда тут же в качестве единиц лингвистики текста и объектов ее изучения рассматриваются не только «сверхфразовое единство (микротекст)», но и целое речевое произведение (макротекст) [4, с. 14].

Поэтому представляется целесообразным заново рассмотреть статус текста в свете общих положений языкознания и, в частности, теории грамматики. Однако в связи с наличием больших расхождений между бесчисленными лингвистиками (или грамматиками) текста здесь будет дано не размежевание с этими концепциями, а систематическое изложение точки зрения автора.

Чтобы определить текст, надо соотнести его с наиболее общей формой проявления языка/речи — с высказыванием. Выделить тексты среди общей массы высказываний можно только формально-функционально, т. к. чисто формальные средства тут амбивалентны: формально одинаковые отрезки речевой цепи могут быть как текстом, так и частью текста. Функционально же, с нашей точки зрения, текст является таким видом высказывания, который рассчитан на воспроизведение — вслух или молча (при чтении или воспоминании)¹. Этим текст принципиально отличается от разового высказывания, которое складывается в момент речи и рассчитано лишь на выполнение секундной коммуникативной задачи. Другое дело, что многие разовые высказывания дословно повторяются в речи многократно — но при этих повторениях они всегда возникают все же заново, опираясь на грамматические и лексические (в том числе и фразеологические) средства данного языка, отливаются заново по определенным стереотипам, не приводятся в виде повторения готового речения, в форме цитаты, не являются воспроизведением другого высказывания, специально предназначенного для такого воспроизведения. Достаточно напомнить бесчисленные *Да!* и *Нет!*, возникающие почти в любом спонтанном диалоге, причем именно спонтанно, с опорой на лексическое значение и грамматическое назначение слов — заместителей предложения.

Между тем текст организуется как построение устойчивое, нацеленное на длительное существование, с расчетом (иногда, правда, крайне недостаточным) на воспроизведение (разовое или многократное) в последующее время. При этом должна учитываться как задача воспроизведения текста как цельности, так и необходимость сделать «доходчивым» такое воспроизведение путем его отчетливого членения. Но доходить до воспринимающего текст должен по всей своей когнитивно-речевой конкретности, включая свое лексическое наполнение.

Известная воспроизводимость есть, конечно, и в разовом высказывании. Но воспроизводятся здесь лишь грамматические схемы, создавшиеся в результате длительного исторического развития (с существенными раз-

¹ На исключительную важность этого момента для определения текста уже указывалось [8]. Но в большинстве работ по лингвистике (или грамматике) текста последний понимается просто как завершенная последовательность связанных друг с другом предложений, причем иногда отмечается, что такой последовательностью может быть и одно предложение [9].

личиями между разными языками). Типы предложений и словосочетаний, состоящие из определенных словоформ, располагаются по разным синтаксическим парадигмам. А лексическое наполнение не воспроизводится, но каждый раз определяется заново, исходя из моментальной (хотя бы и весьма типической) коммуникативно-когнитивной установки говорящего. Этому не противоречит и возможность бесчисленных дословных повторений разовых высказываний с тождественным лексическим наполнением. Оно объясняется лишь бесконечной повторяемостью жизненных ситуаций и ограниченностью лексических средств (например, тех же *да* и *нет*).

Итак, строение текста определяется его задачей, а именно — выразить некое определенное концептуально тематическое содержание. Структурирование идет здесь поэтому как бы сверху. Так, в процессе создания текста как цельности определяется разбиение текста (например, научного или художественного) на тома или книги, затем на части, главы и разделы, далее на сверхфразовые синтаксические целые (абзацы) и, наконец, на предложения.

Правда, процесс созидания текста (особенно художественного) может быть совсем иным. Исходным пунктом может послужить отдельная сцена, отдельный образ, единичный эпизод, первоначально оформленный в отдельном сверхфразовом единстве. Но для текста как такового, в его существовании как цельности это значения не имеет. Он существует как иерархическое единство, разбивающееся на все более дробные составные части.

Конечно, тексты воспринимаются читателем (или слушателем) не мгновенно, одновременно, а постепенно, обычно по мере движения текста от его начала к его концу. Но подлинное, в той или иной мере адекватное восприятие текста становится возможным лишь после завершения процесса ознакомления с текстом, когда оказывается явной вся система отношений, организующих текст. Соответственно при анализе текста неизбежным оказывается предварительное изучение его составных частей (в том или ином порядке), в частности, их лексической и грамматической природы. Однако это именно лишь предварительный этап исследования. Подлинное исследование текста возможно только на основе анализа его цельности, определяемой в рамках изучения его частных частей. Нельзя забывать, что текст не является простой суммой этих частных частей, а чем-то качественно совсем иным, что только и позволяет установить истинное текстовое значение, текстовую функцию отдельных компонентов текста. Это относится, в основном, к текстам художественным, поскольку в текстах научных или технических часто вообще необязательно знакомство со всем целым, а вполне достаточно ознакомления с тем или иным его разделом.

Текстовые структуры могут быть чрезвычайно многообразными [10]. Многообразие форм построения текста вытекает из множественности тех порождающих текст концептуально-тематических установок, которые создаются в результате действия разных социально-исторических факторов и вызванных ими сдвигов в условиях и формах речевой коммуникации, а также под влиянием различий в индивидуальном подходе автора к тексту. Все эти различия в концептуально-тематической установке при создании текста сказываются не только на разных формах его построения и его объеме, но и на преимущественном отборе тех или иных лексических и грамматических средств из общего языкового (лексического и грамматического) фонда. Речь идет не только о создании новых слов, но и новых вариантов грамматических структур, пусть даже имевших свои разрозненные прототипы на прежних этапах развития (ср., например, язык телеграмм, язык рекламы, язык научно-реферативных журналов). Создающийся таким путем отбор определенных признаков, как структурно-текстовых, так и языковых, образует стиль, характерный для определенного вида текстов, объединенных единством концептуально-тематической установки, а в художественных текстах и установки эстетической.

Все высказанные здесь положения отнюдь не новы. Но необходимо было воспроизвести их под определенным углом зрения, подчеркнув главным образом то обстоятельство, что при исследовании текстов надо исходить

непосредственно из особенностей этих текстов в их реальном существовании и многообразии, причем основной единицей такого исследования может быть только текст.

Но это означает, что исследование текстов во всей их многоаспектности — дело особой науки, науки о текстах. Правда, в отношении одной части текстов, а именно текстов художественных, такая наука давно уже наметилась. Это — поэтика. Однако в отношении других видов текстов подобной науки еще нет. Такие тексты изучались, с одной стороны, в рамках стилистики, а с другой — риторики. Но основные цели стилистики, даже стилистики функциональной, все же сосредоточены вокруг языковых явлений, характеризующих текст, ее объектом не является сам текст. Риторика же очень специфична и применима в основном к текстам сравнительно небольшого масштаба, обычно стандартным в стилевом отношении.

Отсутствие специальной науки о текстах частично можно объяснить причинами терминологическими. Термин, наиболее подходящий для наименования такой науки, а именно «текстология», оказался уже «занятым» к тому времени, когда развитие филологии привело к необходимости создания науки о текстах. Текстология тогда уже существовала и имела в высшей степени прочное и точное значение — «наука, изучающая языковые памятники (тексты) с точки зрения их расшифровки, датировки, атрибуции и т. д.». Наиболее подходящим неологизмом мог бы стать термин «текстика». Но звучит этот неологизм искусственно. «Текстоведение» представляется, на первый взгляд, простым синонимом к «текстологии». Но думается, что целесообразно все же решительно отграничить этот термин от «текстологии», используя его в значении «наука о текстах в широком смысле». Диктуется такая целесообразность тем, что существующий терминологический вакуум явно оказывается одной из причин, по которым возникает тенденция к превращению науки о текстах в продолжение и дальнейшее развитие науки о языке, и в частности, грамматической науки. Появляются лингвистика текста, грамматика текста и т. п. Любопытно, что, как правило, стремление исследователей, представляющих это направление, обычно заключается в том, чтобы всячески поднять роль текста, подчеркнуть его важность для лингвистики. Текст порой даже начинает рассматриваться как основная лингвистическая (грамматическая) единица. Но на самом деле такая позиция несправедлива и вдвойне ошибочна. С одной стороны, она несправедлива, потому что в этом случае текст перестает быть специфическим образованием внутри собственной языковой стихии. С другой стороны, такая позиция снижает роль языка, а особенно такой его важнейшей структурной единицы, как предложение. Грамматика растворяется в теории текста.

Между тем нет абсолютно никаких оснований пересматривать старый взгляд на предложение как на основную относительно законченную структурную грамматическую единицу, сохраняющую этот свой статус во всех типах высказывания. Как уже отмечалось, предложение обладает огромной устойчивостью, воспроизводя разные обычно весьма абстрагированные виды отношений между вещами и явлениями без опоры на контекст или ситуацию. Именно такой характер выражаемых предложениями отношений делает их не только важной, но и необходимой основой, без которой невозможно было бы выполнение языком его коммуникативных и когнитивных функций во всем их многообразии. Без предложений не было бы текстов. Между тем предложения могут выступать не только в текстах, т. е. в высказываниях, рассчитанных на воспроизводимость, но и в высказываниях разовых, на воспроизводимость не рассчитанных. Следовательно, предложение есть основная единица грамматического строя в той же мере, в какой текст есть основная единица текстоведения.

Для того, чтобы сделать предлагаемую здесь точку зрения совершенно четкой, ее пришлось показать в упрощенном виде, как бы крупным планом. На самом деле положение сложнее.

1. Раздельность текста и грамматики как языковых явлений отнюдь не противоречит их необходимому взаимодействию, притом самому тес-

ному и нераздельному. Предложение в тексте (особенно в художественном), как правило, получает дополнительные смысловые (иногда семантико-грамматические) нагрузки по сравнению с предложением такого же состава, взятого изолированно. В разных функциональных стилях и видах текста, в разных направлениях художественной литературы, а также у отдельных писателей часто существует тенденция к преимущественному использованию тех или иных грамматических форм. Но такое взаимопроникновение текста и грамматики, текста и предложения не снимает их самостоятельности.

2. В особенно значительных произведениях художественной литературы так или иначе соотносятся с текстом как целым все компоненты произведения, каждое его предложение, даже каждое его слово в определенном контексте. Все они функционально соотнесены с текстом как целым. Но уже в произведениях художественно более слабых это оказывается не так — значительные части этих произведений и их синтаксические компоненты живут как бы самостоятельной жизнью, не определяются в своем строе концептуально-тематической сутью произведения. А что касается научно-технических произведений, то там текст как целое обычно совсем не определяет те синтаксические компоненты, на которые он распадается. Они определяются, в первую очередь, общими грамматическими чертами соответствующих функциональных стилей.

3. Есть обширные области, в которых текст, т. е. речевая единица, подвергающаяся воспроизведению, по своим размерам и по своему строению тесно граничит с предложением («малоформатные тексты»). Это прежде всего пословицы, поговорки, крылатые слова и т. п. Они чаще всего и состоят из одного предложения, простого или сложного, но обычно обладающего такими формальными признаками, которые обеспечивают их легкую запоминаемость и воспроизводимость (особенно синтаксическим и ритмическим параллелизмом). Однако и здесь наряду с чисто грамматическим строением наличествуют и элементы строения художественно-текстового. Далее, совпадение текста и предложения встречается в рекламах, газетных объявлениях, статьях научно-реферативных журналов и т. п., т. е. в формах текста, где чисто грамматические средства часто чрезвычайно близки к стилистически-текстовым, обеспечивающим устойчивость текста.

Не все малоформатные тексты, совпадающие (или почти совпадающие) с предложением, с самого начала были созданы с установкой на воспроизводимость. Они могли возникнуть спонтанно, непреднамеренно, как «острое словцо» (вернее, острая фраза) в диалоге, а затем были подхвачены участниками диалога и стали передаваться из уст в уста. Наличие таких непреднамеренных текстов — это явление все же периферийное, касающееся только особых, «сверхмалых» форм текста, и поэтому не ставит под сомнение общее определение текста как высказывания, нацеленного на воспроизведение.

4. Переходные формы между текстом и грамматическими явлениями (в данном случае, цепью предложений) можно найти и в сфере импровизаций, как у писателей, особенно у поэтов, так и у рассказчиков в бытовой речи. Хотя по своему смыслу понятие импровизации предполагает лишь разовое произнесение (исполнение) какого-то отрезка речевой цепи, так что, строго говоря, импровизация не имеет признаков текста, она все же обладает и некоторыми сходными с ним чертами. Художественная импровизация обычно лишь варьирует формы, привычные в художественной литературе, а импровизированные диалоги нередко воспроизводятся рассказчиком и в других диалогах и могут также повторяться теми, кто их услышал.

5. Понятие текста как высказывания, рассчитанного на воспроизведение во всей своей целостности, включая лексическое оформление, является, конечно, лишь идеальным. На практике такая полная воспроизводимость оказывается, как правило, невозможной. С одной стороны, в процессе устного пересказа исполнитель (нередко сам автор) часто вносит произвольные изменения в текст, что при длительном его исполнении приводит к значительным смещениям в его лексическом и грамматическом наполне-

нии, порою даже в его структуре. Но и при письменном, даже при печатном воспроизведении текста возможны те или иные смещения — опечатки, тенденции к модернизации текста и т. п. С другой стороны, полная воспроизводимость текста (особенно в художественной литературе) оказывается невозможной из-за того, что читатель, как правило, обладает другим умственным горизонтом и другим тезаурусом знаний, чем автор, и часто недопонимает текст или вкладывает в него даже измененное содержание. Чем дальше историческая дистанция, тем больше такое непонимание или переистолкование текста. Оно оборачивается на своей более высокой ступени его различными интерпретациями, часто почти противоположными. В пьесах такие различия в интерпретации часто выражены в различных режиссерских трактовках. Наконец, особым видом интерпретации текста является его перевод, когда лексическому и грамматическому составу дается иноязычный эквивалент, никогда полностью не воспроизводящий оригинал — и все же являющийся каким-то его воспроизведением. Но при всем этом основной принцип текста — его воспроизводимость как конкретной целостности остается основой его существования.

6. Основополагающая значимость для самого понятия текста его целостной воспроизводимости, включая и его лексический состав, никак не противоречит наличию общих типологических черт у определенных групп текстов, объединенных — в той или иной мере — их концептуально-тематической общностью. Это проявляется в уже отмеченном выше наличии общих структурных черт, что для художественной литературы издавна было показано классической поэтикой, а в новейшее время в несравненно более эксплицированном виде современными течениями в литературоведении, фольклористике, лингвистике, семиотике. Для характеристики сюжетной структуры сказки, например, неоценимая работа в этом направлении была проделана В. Я. Проппом [11].

7. Все сказанное относится, в первую очередь, к современным языкам. Полностью оставляются в стороне вопросы генетические, связанные с древними этапами в развитии языка, с происхождением мифа и т. п. Вообще вне поля зрения здесь осталась вся история текстов, хотя она была бы крайне поучительна. Так, развитие делового, канцелярского языка в средние века, в частности, грамот на национальных европейских языках, хотя и совершается под непосредственным влиянием латыни, но представляет собой постепенный переход от текстов, которые по своей структуре еще очень близки к предложению, к текстам, которые построены уже с применением специальных приемов организации подобных и других развернутых текстов. Это развитие порой носит даже драматический характер, поскольку в его процессе — например, в немецком языке, — создаются гигантские построения, в которых делается попытка изложить содержание целой обширной грамоты в одном сложноподчиненном предложении, содержащем до сорока подчиненных предложений. Лишь постепенно структура грамот высвобождается из структуры предложения путем разбиения единого сложноподчиненного предложения на несколько сложноподчиненных или простых предложений и применения параграфирования и вычленения абзацев. Однако в языке немецких грамот еще очень долго, вплоть до XVIII в., сохраняются многообразные синтаксические шероховатости и противоречия. Текст лишь с трудом приобретает свое полноценное оформление [12].

Что же касается эпохи, относящейся к древнейшему состоянию индоевропейских языков и к еще более древним периодам, то здесь сближенность текста и предложения была весьма значительной, потому что формирование системы мифологически-ритуальных, социально-правовых и других систем представлений и норм протекает там в значительной мере путем создания набора формул, преимущественно коротких, малоформатных [1, 7].

8. При всей принципиальной разнородности сферы текста и сферы грамматической между ними все же существует значительный изоморфизм, затрагивающий, в первую очередь, структуру текста и структуру предло-

жения. Связано это с тем, что и естественный язык, и «естественный» (т. е. относящийся именно к естественному языку) текст обладают существенными сходными чертами в семиотическом плане. А именно, и естественный язык, и естественный текст не являются кодами в строгом смысле этого слова, характеризуются многозначностью и противоречивостью своих компонентов, многообразной синонимией и омонимией. Это сказывается и в том, что наиболее изоморфны предложение и художественный текст, наименее подходящий к структуре кода. Выражается такой изоморфизм, между прочим, в подчеркнутой многомерности их построения, в возможности у них самых разных форм разветвленности, в наслаивании лексических и грамматических значений². Но в той или иной мере изоморфен предложению и каждый естественный текст, поскольку в нем обычно совершается развитие от более известного к более новому и создается некоторое «грамматическое» напряжение, приобретающее, правда, в литературе чрезвычайно различные формы [16, 17].

Но такой изоморфизм отнюдь не охватывает все стороны текста и предложения. В тексте, в частности, за редкими исключениями отсутствует то предикативное отношение, которое составляет основу структуры предложения. Сфера текста и сфера грамматики остаются все же сферами принципиально раздельными, хотя и взаимосвязанными теснейшим образом. Текст и предложение — это, в принципе, формы, соотношенные с высказыванием различным образом³.

Если резюмировать все сказанное, то намечаются следующие выводы. Текст — это в высшей степени многообразная, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики. Она строится на речевом материале, но в своей цельности и в своем построении обладает своими собственными закономерностями. Поэтому ее анализ не может быть проведен чисто языковедческими средствами, а должен строиться на особой методике, которая, естественно, должна учитывать и закономерности языковой материи, используемой текстами. А это означает, что наука, изучающая тексты как таковые, является самостоятельной филологической наукой, которую условно можно назвать текстоведением. О грамматике текста можно говорить лишь как о разделе грамматики, изучающем поведение грамматических единств (в том числе и наиболее развернутых из них — сверхфразового единства и абзаца) в тексте. Термин «лингвистика текста» распространяется на целостность текста лишь в той мере, в какой этим фиксируется факт, что текст есть разновидность высказывания. Но он неприменим как название науки, изучающий специфическое построение этой разновидности высказывания, поскольку здесь исключительно сильны факторы, выходящие за пределы лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синтаксис текста. М., 1979.
2. Структура текста. М., 1980.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.
5. Аспекты общей и частной теории текста. М., 1982.
6. Реферовская Е. А. Лингвистическое исследование структуры текста. Л., 1983.
7. Текст: семантика и структура. М., 1983.
8. Glinz H. Linguistische Grundbegriffe und Methodenüberblick. Frankfurt-am-Main, 1970, S. 122.
9. Isenberg H. Texttheorie und Gegenstand der Grammatik. Berlin, 1974, S. 18.
10. Адмони В. Г. Поэтика и действительность. Л., 1975, с. 141—145, 270—274.
11. Пронн В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.

² Такое наслаивание многих значений на каждый участок речевой цепи (причем отдельные значения наслаиваются друг на друга) составляет особое измерение языковых явлений. Его можно назвать батизматическим, т. е. глубинным (в соответствии с парадигматическим и синтагматическим измерениями) [13—15].

³ Но дело здесь не в спонтанности. Спонтанно в речи могут возникнуть как разовые высказывания, так и малоформатные тексты и цитаты из развернутых текстов. Дело здесь в уже отмеченной абстрактности схем (логико-грамматических типов) предложения.

12. *Admoni W. G.* Die Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich des neuhochdeutschen Satzgefüges. Berlin, 1980, S. 44—50, 332—354.
13. *Адмони В. Г.* Партитурное значение речевой цепи и система грамматических значений в предложении.— ФН, 1964, № 3.
14. *Адмони В. Г.* Структура грамматического значения и его статус в системе языка.— В кн.: Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979.
15. *Сильман Т. И.* Подтекст как лингвистическое явление.— ФН, 1969, № 1.
16. *Адмони В.* Die Struktur des Satzes und die Gestaltung der Wortkunstwerkes.— In: Linguistische Probleme der Textanalyse. Düsseldorf, 1975.
17. *Admoni W.* Zu den Wechselbeziehungen zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft.— *Studia neophilologica*, 1984, № 1.